

ГЛАВА 10

Лох — это судьба

После того как меня с позором прогнали с планерки, я с камнем на сердце пошел к нашему кабинету. Мне не хватало воздуха, захотелось проветриться. Я вышел на улицу, добрел до скверика, где несколько дней назад сидел с Лехой, и долго думал.

Ничего страшного не случилось, совещание у шефа было обычным делом по понедельникам. Поэтому я собрался и вернулся в офис.

Перед дверью выронил папку, и из нее посыпались отчеты и графики. Когда я аккуратно, стараясь не помять страницы, собирая все, услышал за дверью оживленный разговор. Обо мне.

Первая мысль — как ни в чем не бывало войти в кабинет. Ведь подслушивать нехорошо. Но потом стало любопытно. «Никогда никому еще не мешало знать истинное отношение окружающих к тебе», — подумал я. Очень тихо подкрался на корточках к двери и стал слушать. Пару выпавших страниц оставил на полу: если бы кто-то увидел меня в таком положении, у меня была бы возможность хоть как-то объяснить свои действия. За дверью слышался голос Бородаенко:

— ...обнаглел он совсем! Заметили, как он разговаривает теперь? А ходит? Словно аршин проглотил. Ты бы видел, Панченко, как он оделся сегодня! Когда на планерку опоздал. Вырядился, как на свадьбу. Лопух. Еще и духами облился: несло он него, как от парфюмерной фабрики.

— Саша, ну зачем ты так, — перебил мягкий вкрадчивый голос Гараяна. — Все люди меняются, и Сережа — не исключение.

— Да он же чмо, Левон, — с нескрываемым презрением в голосе сказал Панченко. — Жаль, я не видел этого цирка. Он что, думает: нарядился как клоун, одеколоном побрызгался — и крутой стал? Лох он, и относиться к нему надо как к лоху.

Я слушал и чувствовал, как лицо заливается краской. Сердце сильно колотилось, я боялся, что его стук слышно там, за дверью. Я старался успокоить дыхание, но ничего не получалось. Страшно захотелось курить.

— Да, может, просто влюбился парень, — предположил Гараян. — Я когда на Миленку запал, тоже расфуфыренный ходил. А вспомни себя, Саша, когда ты за Маргаритой ухаживал. Я тебя тогда еще первый раз побритым увидел.

— Кстати, Александр Витальевич, — встрепенулся Панченко, — у вас что-то было с ней?

— Конечно, стажер. А ты думал? Что я, как Резвей, буду годами вокруг Лидки виться? Цветы, ресторан, переспали — и все, прости-прощай, мы разошлись, как в море корабли.

— Ну, вы орел, дядя Саша! — сказал Панченко.

— Да, стажер, я такой! — подтвердил Саня.

И оба заржали.

— Помню, как-то бухали мы... Где-то полгода назад, помните? Тебя, Панченко, тогда еще не было у нас, можешь не тужиться, не вспоминать. Резвей еще тогда был с нами, Левон, ты-то должен помнить. Потом он упился в хлам, ползал вокруг Фрайбергер на коленях и шептал: «Я люблю тебя, Лида!»

Радостный гогот ударил по ушам. Я помнил ту историю смутно, уже почти забыл, поскольку действительно выпил тогда сверх меры.

— А Лидка что? — спросил Панченко.

— Лидка? Лидка сказала ему что-то типа: «Повториши это, Резвей, когда будешь трезвей». Резвей стал рубаху на груди

рвать, копытом бить, что трезвый он, как стеклышко, а потом проблевался, лошара, прямо ей под ноги... Короче, лох — это судьба... Ха-ха!

Я и не заметил, как сзади подошла вернувшаяся с планерки Лидка.

— Резвей, что ты тут делаешь?

— Я? — пробормотал севшим голосом. — Ничего. Отдыхаю.

Я и забыл про выдуманную версию о подбиении выпавших отчетов.

Лидка насмешливо посмотрела на меня и сказала:

— Ну, отдыхай, отдыхай. Пройти дай только.

— Проходи, — прошептал я, собрал выпавшие страницы и, ничего не видя, двинулся по направлению к туалету.

Еле передвигая ноги, шел, шаркая, как стариk. Из кабинета донесся строгий голос Лиды.

— Над чем веселитесь так, ребята? — строго спросила она. — Работы нет, что ли? Так я подкину!

— Резвея обсуждали, Лидия Романовна! — сказал Панченко. — Кстати, а где он?

— Сидел минуту назад под дверью, отдыхал, как он мне сам сказал. Судя по всему, грел уши...

* * *

К счастью, в туалете было пусто. «Я — чмо и лох, лох и чмо», — думал я. В голове звучала песня: «Лох — это судьба».

Совсем недавно я стоял здесь же, курил, но мысли были радужнее. Тогда мне казалось, что все будет просто. Изменить линию поведения, имидж — и все сразу станет хорошо. Как в сказке. Черта с два!

Из подслушанного разговора коллег о себе я не узнал ничего нового. Кроме одного. О том, что Лидка просила повторить признание в любви, когда я буду трезвым.

Я забыл это. Или не услышал ее слова, потрясенный фактом своего признания в любви. В памяти отложилось лишь признание и то, как меня внезапно стошило Лидке под ноги. Полгода прошло, память, заботясь о душевном равновесии, потихоньку стерла все неприятное и стыдное, что было в прошлом. Хорошо, что для Бородаенко это не неприятное воспоминание, а веселый эпизод из офисной жизни. Хорошо, что он мне его напомнил...

Е-мое, да о чём я думаю? Сам на грани увольнения, отношения с коллективом безнадежно испорчены, все окружающие считают меня лохом и держат за чмо. Тут не о Лидке надо думать.

Я-то, дурачок, поверил в себя. Да, раньше на мне ездили. Использовали. Но относились хорошо. А сейчас? Сейчас все думают, что у меня помутнение рассудка. Что я оборзел. Съехал с катушек и позволил себе вещи, недопустимые для «лоха обычновенного».

Первые мои «победы» сменились полным поражением. Нового, изменившегося Резвея, готового и подлянку устроить (если вспомнить, как я заложил Лидку Степанычу, а Костю — коллегам), окончательно перестали уважать. Не обошлось, наверное, и без слухов, пущенных Николаичем о том, как я грозил пожаловаться начальству.

Раньше я был хоть и лох, но безотказный. Этакий добрый малый, готовый всем помочь и взвалить на себя чужую ношу.

Теперь я — лох подлый. А значит, опасный.

А значит, мне осталось два варианта. Либо плюнуть на все, сдаться, извиниться перед Лидой, Панченко, Николаичем, Жориком и соседом Васей и стать прежним Резвеем, забыв про Леху и его советы. Либо уволиться и начать все заново на новой работе. С чистого листа.

Становиться прежним мне не хотелось. Значит, оставалось одно: уволиться по собственному желанию, пока не уволили за нарушение трудовой дисциплины по статье, и срочно найти

новую работу. На что жить, будучи безработным, я не подумал, считая, что у меня все еще есть какие-то накопления.

Выйдя из туалета, я направился прямиком к Кацюбе.

* * *

— Выпиваешь в рабочее время, разлагаешь коллектив, плохо влияешь на атмосферу в офисе... Игорь Николаевич на тебя жаловался, говорил, что ты грозился уволить его. Георгий Иванович рассказал, как ты его грубо обложил матом. Косте Панченко непристойную картинку на компьютер поставил, да еще и заблокировал. Сегодня на планерку опоздал. Я тебя не узнаю, Сергей.

Кацюба перечислял мои грехи, а я думал, что стучал, оказывается, не только Панченко. Стучали все. Это я, воспитанный в духе героев Жюля Верна и Фенимора Купера, считал ниже собственного достоинства сдавать товарищем. А товарищи — никакие не товарищи. И скринсейвер менял не я, а Бородаенко.

— В общем, я хочу, чтобы ты хорошо подумал. Штрафных санкций пока применять не будем, но если и дальше все будет продолжаться в таком духе...

— Станислав Евгеньевич, — перебил я его, — я увольняюсь.

Стас как будто окаменел. Обычно, когда он говорит, раскачивается, как Валерий Лобановский*, взад-вперед. Сейчас перестал. Я не без удовольствия наблюдал, как в его лысой буристой голове заворочались мозги, пытаясь осмыслить сказанное мною.

Логику Стаса понять можно. Работал уже не один год хороший сотрудник. Очень хорошо зарабатывал, на условия труда

* Валерий Васильевич Лобановский — выдающийся советский и украинский тренер по футболу. Имел привычку раскачиваться взад-вперед, наблюдая за ходом матча с тренерской скамьи.

не жаловался. Не без перспектив. Критику в свой адрес воспринимал всегда спокойно. И вдруг заявил об увольнении!

Наконец мозги Стаса успокоились. Он вновь начал рассказываться и спросил:

— А позволь поинтересоваться, почему?

— Зовут в другое агентство. На ту же должность, но с большим окладом, — не задумываясь, сказал я первое пришедшее в голову.

— Куда конкретно тебя зовут, спрашивать не буду. И уговаривать оставаться не буду. Парень ты серьезный, раз решил — значит, решил твердо.

— Я, Станислав Евгеньевич, честно говоря, еще не решил. Есть мысли заняться бизнесом самому. В той же сфере, а что — клиентская база есть, наработки, опыт приличный.

— Рассмешил. Ты серьезно?

— А почему бы и нет? — обиделся я.

— Ты думаешь, это просто: захотел и занялся бизнесом?

— Если вы о вложениях, то я могу взять кредит. У меня знакомый работал администратором в ресторане, потом открыл собственный — правда, не ресторан, кафе, — но все равно, знаете, какие он сейчас деньги зарабатывает? И живет он теперь не от зарплаты до зарплаты.

— Открыть один ресторан — это не бизнес! — рассердился Кацюба. — Это ремесленничество! Как открыть лавку по ремонту обуви или стоматологический кабинет. Салон красоты, кафе, автомойка, бюро переводов — это все не бизнес! Это люди, которые могут своими руками что-то сделать, вот они и делают! А бизнес — это другое.

— Да что вы на меня кричите? — возмутился я. — Называйте как хотите, но я могу открыть свое рекламное агентство, и вы мне не помешаете!

— Да зачем мне тебе мешать, Сергей, — успокоился шеф. — Влезешь в долги, влипнешь, обанкротишься и вернешься ко мне. Управление компанией — это тебе не на заднице

сидеть, договоры подписывать да секретарш лапать. Это профессия, которой годами учатся. Это лидерские качества, чтобы ты людей мог повести за собой, чтобы они в сложные для компании моменты не ныли при задержке зарплаты, а работали еще усерднее. Это нюх, интуиция, умение договариваться, идти на компромиссы. Это предпринимательский дух, наконец! Готов ты год сидеть без денег вообще, а небольшие доходы отдавать на зарплату сотрудникам? Вкалывать сутками и без выходных, нести ответственность перед законом, налоговой, партнерами, заказчиками, сотрудниками? Если да, и ничего из этого не боишься, и владеешь всеми нужными навыками, да еще и пойдешь учиться на МВА, параллельно набивая синяки да шишки, то я желаю тебе удачи! Но нет у тебя ни навыков управленческой деятельности, ни предпринимательского духа, ни лидерских качеств, ни готовности работать на износ! Я знаю, о чем говорю, не первый год вместе. Ничего у тебя не выйдет!

— Вам хорошо рассуждать, Станислав Евгеньевич, у вас большой дом, квартира, обслуга, тачки навороченные, отдохаете на лучших курортах. Что-то незаметно, чтобы вы вкалывали сутками...

— Ох, и балда же ты, Сергей! — протянул шеф. — Я, знаешь ли, к этому не за один год пришел. Все было: и проблемы, и неплатежи, и кидалово, и бандиты, и наезды, и попытки отобрать компанию, и увольнялись от меня пачками, и по судам таскали. Ничего — выстоял, вытерпел. Было время на заре, когда мы первый кабельный канал открыли, первые полгода лично по домам ходил, кабеля тянул, жена с ребенком на руках по морозу листовки расклеивала с рекламой, дома жрать нечего было, потому что все вложено и заложено — и наша квартирка, и моих родителей, и родителей жены. А сейчас...

Кацюба задумался и спокойно продолжил:

— Я, знаешь ли, обычный человек, мне не нравятся истории, когда кто-то ездит на древнем «москвиче», живет в однокомнатной квартире, но при этом на счету у него лежит два

миллиарда. Я таких людей боюсь. Жить надо по средствам, и это касается не только небогатых, но и обеспеченных. Чую хочешь?

Я кивнул. Кацюба набрал номер секретарши и попросил принести чаю.

— Ну что, Сергей, как мы дальше с тобой-то...

Я, сильно пристыженный, сидел с бордовым лицом, когда зашла Рита с подносом: кружки с чаем, конфеты, орехи, печенье.

Когда она вышла, я тихо сказал:

— Извините, Станислав Евгеньевич, не знаю, что на меня нашло. Курить бросил, может, поэтому так неадекватно себя веду.

— Не бери в голову, дело молодое, — улыбнулся Кацюба. — А что курить бросил — молодец! Ты сейчас, может, и не понимаешь всей прелести, а доживешь до моего возраста — сам себе спасибо скажешь! Знаешь что? Ты подумай еще до завтра. Хорошо подумай. Золотых гор обещать не буду, но твое повышение в должности в ближайшее время я планировал. Подумай! От добра добра не ищут.

Теперь пришла моя очередь удивиться.

— Хорошо, Станислав Евгеньевич, я подумаю. Всего доброго.

— До свидания, Сергей. И это... Уверенности в себе побольше!

— Постараюсь, — я встал и вышел в приемную.

* * *

Посетителей в приемной не было, Ритка сидела одна.

— Хорошо выглядишь, Рит.

— Спасибо, Сережа, — Рита вскинула на меня синие-синие глаза. — Слушай, а я тебя сегодня и не узнала сперва! Ты такой... такой... другой! Ты тоже хорошо выглядишь! И пахнешь чудесно!

— Спасибо, — смущался я.

Я не импульсивен, но в этой ситуации, после неудачного утра, когда мое самомнение опустилось гораздо ниже пресловутой линии плинтуса, мне очень захотелось проверить себя. А заодно отношение Риты ко мне.

— Рит, что ты сегодня вечером делаешь? — деланно бодрым голосом спросил я.

— Я? — деловито спросила она. — Не знаю пока. А что, есть предложения?

— А давай сходим куда-нибудь? В ресторан, может, или в кино? Куда ты хочешь?

— Мне все равно, честно, давай в кино.

— Ну, до вечера тогда, — я не удержался и расплылся в улыбке.

— До вечера.

И, чему-то улыбаясь, вновь погрузилась в какие-то бумаги. А я вспомнил рассказ Бородаенко, и моя радость быстро улетучилась.

* * *

Когда я зашел в отдел, Гараян поглощал бутерброды. Панченко, наверное, опять убивал время у девчонок-дизайнеров, его рабочее место пустовало. Бородаенко сидел в наушниках и, судя по тупому застывшему взгляду и вздрагиваниям, играл в стрелялку. Лидка посмотрела на меня, покачала головой и вновь уткнулась в монитор.

Я, чувствуя, что терять мне уже нечего, поздоровался с каждым, перекинулся парой фраз с Левоном на тему самочувствия, рассказал ему, как встретил Васю. Левон поинтересовался, все ли в порядке, а потом поблагодарил за вечер. «Здорово посидели», — сказал он.

Уволюсь или не уволюсь, а работать надо, пока я еще сотрудник компании. Я подобрал хвосты, выяснил у Лидки обсуждавшиеся на совещании вопросы и задачи. Она, к удивлению,

деловито и подробно поставила меня в курс дела по всем вопросам и даже подметила, как я изменился:

— Хороший запах, Резвей. «Пако»? Мне нравится.

— Спасибо, Лид, — ответил я, ощущая, как за спиной расстут крылья.

— Влюбился в кого-то? А то смотри, я ревную! — улыбнулась она.

Пожалуй, это стало лучшей наградой за вчерашние муки и потраченные накопления. Я даже забыл о сигаретах и с головой ушел в работу.

Остаток дня прошел спокойно. Панченко избегал встречаться со мной взглядом, да и я не горел желанием общаться с ним. В рабочей суete совсем забыл о вечернем свидании с Ритой.

В перерыв сходили с Михой и Левоном пообедать. Выяснилось, что Левон сел на новую диету: не есть на ночь — и пообещал вести блог на эту тему. С Миленкой он так и не помирился, и было видно, что в этот раз он настроен серьезно и сам никаких первых шагов предпринимать не собирается.

— У тебя точно никого нет, старик? — поинтересовался Миха у него. — А то я тебя не узнаю.

— Ты вон на Сережу лучше посмотри, — заметил Левон. — Вот его я точно не узнаю.

— Да прекратите, парни, — смутился я. — Уже и постричься человеку нельзя?..

— Я на днях одноклассника встретил, Сашу Проценко... Еле узнал, так сильно он изменился! Был обычным троичником, спокойным, даже вальяжным.

— А сейчас? — спросил я.

— Дерганый он какой-то стал! — ответил Миха. — Весь в делах, даже толком не остановился поговорить. Да и вообще, взять всех, с кем я учился и зафрендился в соцсетях: двигаются, бегают, суетятся, строят планы, делают бизнес или карьеру.

— И правда, — согласился Гааян. — Я тоже заметил. Все как будто выбрали одни и те же стандарты жизни, одни и те же

идеалы. А еще говорят штампами, слушают штампы, смотрят штампы, живут по штампу.

— А я вроде как новую жизнь начал. Парни, серьезно. Помнишь, Миха, наш с тобой разговор в курилке в пятницу? Надоело мне так жить, как в болоте, решил меняться, потому и шмотки новые, и стрижка...

— Сережа, — перебил меня Гараян. — Ты это... Тормозни, успокойся. Подумай сначала, хорошо подумай, основательно, спокойно: кто ты, чего хочешь, к чему идешь. А вот когда четко поймешь, приоритеты расставишь, сильные свои и слабые стороны определишь — вот тогда и живи новой жизнью: ненавидь, люби, плачь, смеяся, радуйся и огорчайся. Живи!

Слова Левона упали в благодатную почву. С самой первой встречи с Лехой я чувствовал, что много делаю, трачу много сил. Но как понять, правильно ли я бегу, если не знаю четкого направления? И та ли цель, которую я совсем недавно себе поставил, на самом деле мне нужна?

В офис я возвращался, сильно задумавшись. А ближе к вечеру позвонил Леха.

— Здорово, Серег! Как ты? Все нормально?

— Привет, Леха. Да столько всего, голова кругом. Курить бросил. Ты откуда звонишь?

— Да я сегодня только прилетел. Устал как собака. Насчет курить — молодец, хвалю! Что вечером делаешь? Пересечемся?

— Легко.

— Легко, — передразнил меня Леха. — А чего голос такой кислый?

— Нормальный голос.

— Не, меня не проведешь. Ладно, не кисни там, вечером поговорим. До связи.

— До связи.

Отключился, а потом вспомнил о Ритке. Черт! Ладно, что-нибудь придумаем. Главное — дожить до конца рабочего дня.

А там будет проще, эмоции утихнут, да и Леха что-нибудь подскажет. А подскажет ли? Зачем ему это надо вообще?

Выстроенную кирпичную стенку снесло ураганом враждебности коллег. Уверенность в себе, в собственной правоте — всё рухнуло от одного подслушанного разговора.

Старые ошибки повисли мертвым грузом и не давали идти вперед.